

Подлесная Мария Александровна

кандидат социологических наук,
замдиректора информационно-аналитического
центра факультета социальных наук
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
научный сотрудник сектора изучения
социокультурного развития регионов России
Института социологии
Российской академии наук

Хомутова Юлия Игоревна

магистр Высшей школы
современных социальных наук

БЕЖЕНЦЫ С ЮГО-ВОСТОКА УКРАИНЫ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования феномена беженца с юго-востока Украины, которое было произведено авторами статьи в 2015 г. В рамках исследования одними из задач стали изучение процесса социальной адаптации вынужденных переселенцев и определение ощущения беженцев на территории России себя как «своих» или «чужих». Представлен ответ на вопрос, как отнеслось местное население к беженцам с юго-востока Украины в результате их массового прибытия в Россию, как к «своим» или «чужим»; подробно описаны способы социальной адаптации и возникшие трудности, выделены субъекты помощи в процессе социальной адаптации и условия ее эффективной реализации.

Ключевые слова:

беженцы, оценка «свой – чужой», социальная адаптация, субъекты помощи, юго-восток Украины, пункт временного размещения беженцев.

Podlesnaya Maria Aleksandrovna

PhD in Social Science,
Deputy Director at Information Research Centre,
Social Science Faculty,
Saint Tikhon's Orthodox University
of Humanities,
Research Associate,
Sector for Socio-Cultural Development of
Russian Regions, Institute of Sociology,
Russian Academy of Sciences

Khomutova Yuliya Igorevna

Master's degree student,
Higher School of Modern Social Sciences

REFUGEES FROM THE SOUTH-EAST OF UKRAINE: SOCIAL ADAPTATION

Summary:

The article presents results of the research dealing with the phenomenon of refugees from the south-east of Ukraine that was carried out by the authors in 2015. One of the research objectives was to study social adaptation of impelled migrants and assessment of refugees' self-awareness as friends or foes in the territory of Russia. The article answers the question of how the local population regarded refugees from the south-east of Ukraine as friends or foes due to their mass arrival to Russia. The authors describe in detail the ways of social adaptation and the challenges refugees faced, consider who needs assistance in the process of social adaptation and the conditions of its effective implementation.

Keywords:

refugees, friend-or-foe assessment, social adaptation, subjects of assistance, south-east of Ukraine, temporary accommodation of refugees.

Введение

В 2014 г. в России был зафиксирован первый массовый приток беженцев, вызванный конфликтом на Украине. По данным Центрального банка данных по учету иностранных граждан Федеральной миграционной службы Российской Федерации (ЦБД УИГ ФМС РФ), меньше чем за год число граждан Украины, главным образом беженцев из Донбасса, увеличилось на 1 млн чел. Данное событие не могло не привлечь к себе внимание, и весной 2015 г. авторами статьи было проведено качественное исследование феномена беженца с юго-востока Украины с помощью оценки «свой – чужой» [1]. Дополнительно были задействованы теории социальной адаптации [2, с. 72].

В исследовании нас интересовало несколько аспектов: с одной стороны, оценка местным населением массового притока беженцев с юго-востока Украины и его отношение к ним как к «своим» или «чужим»; с другой, ощущение самих беженцев на территории России себя как «своих» или «чужих» и способы их социальной адаптации в складывающихся для них условиях. В связи с решением первой задачи нами были проведены 8 разновозрастных фокус-групп с гражданами России – мужчинами и женщинами, для выполнения второй задачи взяты 24 глубинных интервью с экспертами – беженцами, работниками УФМС, социальными работниками, сотрудниками администраций, организаций, осуществляющих помощь беженцам, частными лицами, принявшими беженцев, клириками и прихожанами православного храма.

Предполагая, что на отношение к беженцам может влиять конфессиональный фактор (так как уже на тот момент в СМИ звучала информация о значительной помощи беженцам приходов Русской православной церкви), фокус-группы проводились среди как воцерковленных, так и невоцерковленных россиян с разделением их по признаку религиозной самоидентификации и

принадлежности к православной общине. В фокус-группах приняли участие люди от 17 до 60 лет, студенты профессионального вуза (ПСТГУ), молодежь православной организации «Фавор», прихожане одного из храмов города Кимры, молодежь и жители городов Кимры и Торжка [3], не являющиеся практикующими верующими.

Респонденты глубинных интервью отбирались посредством интернета и установленных контактов на местах. Последнее было характерно для поиска экспертов, связанных с УФМС, администрациями, поэтому интервью с ними проходили в городах Кимры и Торжке. Беженцы, согласные дать интервью, не всегда находились в нужном количестве в указанной местности, поэтому связь с ними и их поиск осуществлялись в том числе через интернет. В связи с этим совокупность беженцев несколько неоднородна, так как часть из них в настоящее время проживает в Москве и области, другая – в городах Кимры и Торжке.

В статье представляются результаты второй части исследования, посвященной способам социальной адаптации беженцев с юго-востока Украины и замерам, которые касались того, насколько сами беженцы ощущают себя «своими» или «чужими», проживая теперь в России. Предыдущие наши работы посвящались результатам первой части исследования.

Беженец с юго-востока Украины «свой» или «чужой» для россиян?

Ответ на подобный вопрос во многом зависел от того, кто, какая группа респондентов на него отвечала: был ли опрашиваемый лично связан с беженцами или имел представления о них из СМИ и других источников, оказывал ли им реальную помощь и поддержку или рассуждал об этом гипотетически и т. д. В результате получилась довольно пестрая картина, охватывающая мнение как простых россиян, так и добровольцев, волонтеров, государственных чиновников и исполнителей власти, тесно связанных с беженцами.

При проведении фокус-групп с разновозрастными воцерковленными и невоцерковленными россиянами удалось выделить несколько стратегий и соответствующих сценариев поведения по отношению к беженцам с юго-востока Украины (табл. 1). Эти стратегии раскрывают палитру отношения части аудитории к беженцам как к «своим», способным стать чужими» и другой части – как к явным «чужакам», к которым применялся бы в основном сценарий «выдавливания» [4, с. 49] в страну, из которой прибыл беженец, или в отдаленные уголки России.

Таблица 1 – Стратегии и сценарии отношения к беженцам с юго-востока Украины местного населения

Оценка	Стратегия	Сценарии	Портрет
«Свой»	Стратегия вынужденной терпимости	Сценарий 1. «Мы должны...». Вынужденно терпимое отношение к беженцам	Беженец как «вежливое чувство»
	Стратегия оказания помощи, поддержки (в том числе материальной) при определенных условиях	Сценарий 2. «Готовы помочь материально, но при условии...»	Беженец, вызывающий желание помочь
		Сценарий 3. «Готовы общаться, если...»	Беженец, вызывающий желание общаться
«Чужой»	Стратегия выдавливания из своего жизненного пространства	Сценарий 4. «Лучше бы им вернуться обратно на Украину»	Беженец как конкурент
		Сценарий 5. «Пусть осваивают Север»	Беженец как обидчик, как представитель украинского народа, который унизил, оскорбил
	Стратегия принятия в свое пространство, но при условии быть незаметным	Сценарий 6. «Пусть молчат»	Беженец как помеха, как раздражитель, вызывающий дискомфорт, усталость

При этом надо заметить, что основная часть опрошенных во время фокус-групп россиян не сообщалась с беженцами с юго-востока Украины лично, черпая информацию о них и их пребывании в России из интернета и от знакомых.

Весьма показательной в связи с этим стала статистика, которая продемонстрировала, что из прибывшего 1 млн переселенцев с юго-востока Украины в течение 2014 г. всего лишь 5 780 украинцев ходатайствовали о статусе беженца, получили его в результате 227 чел. Остальные граждане распределились следующим образом: «234 360 человек получили статус временного убежища; более 600 тыс. – право длительного проживания в России, в том числе 114 тыс. чел. стали участниками госпрограммы по добровольному переселению соотечественников, получив материальную поддержку и оформив в ускоренном порядке российское гражданство» [5, с. 71]. Таким образом, мы видим, что в действительности беженцами с юго-востока Украины могут назвать себя немногие, юридически этот статус, как и соответствующая помощь, принадлежит весьма ограниченному числу лиц. Значительно больше тех, кто решил получить право длительного проживания в России. В итоге, сталкиваясь с феноменом массового прибытия с юго-востока

Украины тех, среди которых фактически можно назвать беженцами лишь ограниченное число переселенцев, мы имеем дело с людьми, живущими проблемами беженцев (это проблемы жилья, трудоустройства, заработка, адаптации и т. д.).

К тому же к прибывшим с юго-востока Украины, какой бы статус они не получили, как выяснилось, существуют требования и со стороны местного населения. В качестве таковых участники фокус-групп назвали следующие:

- молчать, что беженец, не использовать статус для личных целей;
- найти опору именно в человеческом общении;
- трудиться (исправно, добросовестно, много);
- надеяться в первую очередь на себя;
- не строить иллюзий;
- не наглеть, уважительно относиться к власти и народу, достойно терпеть лишения;
- полюбить Россию и понять – «твой дом там, где ты есть»;
- относиться к русским как к своим, как к братьям.

Отметим, что беженцы с юга-востока Украины находятся на территории РФ как легально, так и нелегально [6]. Причинами последнего, по мнению опрошенных нами экспертов, служат пошлина, которую необходимо оплатить при получении статуса, – многие бежали от войны, взяв с собой лишь документы, и неосведомленность большинства переселенцев, что патенты и разрешение на пребывание даются на время и эти статусы необходимо продлевать, что связано с дополнительными материальными затратами. Надо отметить, что это преимущественно касалось тех беженцев, которые планировали вернуться к себе на родину. Другая группа беженцев, не планирующая возвращения на родину и пожелавшая получить гражданство РФ, как мы смогли убедиться, стала самой многочисленной, как и тех, кто принял участие в госпрограмме, позволявшей в течение трех месяцев получить гражданство, при условии что беженец свободно владеет русским языком.

В результате исследования был определен ряд трудностей, с которыми пришлось столкнуться беженцам при оформлении самых разных статусов. Это необходимость:

- оплатить сразу всю сумму на срок регистрации при оформлении статуса и патента;
- помимо оформления статуса (временное пребывание, временное убежище, временное проживание) оформить и патент на работу [7];
- следить за продлением статуса (временное пребывание дается на 90 дней, позволяя находиться только на территории РФ; временное убежище – на год, временное проживание – на три);
- владеть русским языком.

В связи с процессом вхождения беженцев в российское общество, их можно условно разделить на два типа: 1) те, кто были готовы к трудностям, их, как правило, все устраивает, и они быстро адаптируются; 2) не желающие прилагать усилия, постоянно жалующиеся, мечтающие при возможности вернуться обратно (Антонина, сотрудница горячей линии). Подобные стратегии поведения отмечаются и в исследованиях по трудовым мигрантам, для которых также характерны как адаптационные, так и интеграционные модели поведения [8, с. 84].

При этом очевидно, что те, кто хотел бы вернуться, изначально ожидали меньших трудностей, особенно с оформлением документов («...Они думали, все проще будет, а тут с одними документами свихнешься...» (Светлана, сотрудница горячей линии)).

Несмотря на многочисленные сложности, прибывшим с юго-востока Украины предоставлялась и различного рода помощь от самых разных субъектов. Если говорить о помощи государства, то она в основном распространялась на тех, кто находился в ПВР (пунктах временного размещения) и получил законный статус беженца. В таком случае беженцам оказывалось содействие в трудоустройстве на работу, в ПВР предоставлялось бесплатное питание, проживание и медицинское обслуживание. Еще одним видом поддержки со стороны государственных органов стал сбор гуманитарной помощи с привлечением к ней общественных организаций и социальных служб и обеспечение беженцев временным жильем при содействии городских администраций (из интервью с чиновниками администраций).

Примечательно, что весьма активно на сбор гуманитарной помощи для беженцев отозвалось и само население России, в особенности владельцы складов («У меня есть склад гуманитарной помощи, по субботам мы принимаем беженцев, потому что у них есть потребность в вещах» (Мария, владелица вещевого склада)). Многие местные жители предоставляли беженцам свое жилье, имея, правда, при этом самые разные мотивы, например для присмотра за домом, ведения хозяйства, иногда даже для создания семьи («Кстати, насчет помощи, так смешно... на сайтах смотрели, кого приглашают из беженцев к себе пожить... в основном молодых парней да девчат для построения отношений... еще как помощников по хозяйству, это очень здорово, на мой взгляд...» (Мария, волонтер)).

Отзывались на помощь беженцам и работодатели, в основном предоставляя, конечно, малопривлекательную для местного населения работу: для мужчин – это грузчики, отделочные ра-

боты, для женщин – работа в сфере услуг (нянечки, менеджеры по продажам, продавцы, уборщицы) [9]. В качестве еще одного субъекта помощи беженцам с юго-востока Украины можно назвать различные религиозные организации, и в частности приходы Русской православной церкви, которые достаточно активно включились в общий процесс помощи беженцам, став своеобразными пунктами приема их обращений. Как отмечалось в одном интервью, помощь прихода носила как материальный, так и психологический характер, «*помогали и при устройстве на работу, с использованием личных знакомств и связей*» (Людмила, прихожанка храма).

Социальная адаптация беженцев с юго-востока Украины

Процесс социальной адаптации беженцев в исследовании рассмотрен исходя из трех показателей: социально-психологического, фиксирующего внутреннее состояние адаптанта, вошедшего в инородную среду; этнокультурного, включающего в том числе решение повседневных социально-культурных проблем; социально-экономического, позволяющего установить степень вовлеченности адаптанта в жизнедеятельность новой среды, при которой рассматриваются взаимодействия с ее членами, а также экономические характеристики: наличие или отсутствие работы, уровень достижений в профессиональной сфере, материальное положение в новой среде, степень удовлетворенности работой.

1. Социально-психологическое измерение адаптации беженцев с юго-востока Украины.

Согласно известной U-модели, процесс социальной адаптации состоит из пяти этапов: «медовый месяц», возврат в прошлое, «культурный шок», привыкание, интеграция [10]. Это идеальный тип адаптации. Применение данной модели к нашему исследованию показало, что в действительности беженцы с юго-востока Украины не всегда начинали свою адаптацию с этапа «медового месяца», испытывая в начале своего прибытия в Россию весьма противоречивые чувства – радости, что удалось уйти от войны, и горечи за свою страну и тех, кого пришлось оставить. Поэтому зачастую приходилось отмечать, что беженцы начинали свой путь в новых для них условиях со второго и третьего этапов. При этом те из них, которые изначально были настроены получить гражданство и начать новую жизнь в России, быстрее проходили эти стадии, осуществляя адаптацию в два этапа – привыкания и интеграции.

Многим беженцам, даже весьма оптимистично настроенным на жизнь в России, не удалось избежать на этапе «культурного шока» соответствующих социальных и психологических трудностей. Одной из первых можно назвать **проблему отсутствия связи с семьей**, страх за близких, оставшихся в зоне военных действий, **ностальгию по прошлому**. Во время интервью с беженцами часто приходилось слышать именно такие высказывания: «*Очень часто душа болит о том, что моя семья разбросана на тысячи километров, что давно не видел своих близких, что нет моих друзей за моим столом, что не вижу цветущих абрикосов в своем городе, что земля наша не пахана, что не посадим мы ничего в нее, что не смог впервые в жизни побывать на Пасху и Красную Горку на могилах своих предков...*» (Юрий, интервью № 10). Усиливало данную психологическую проблему, особенно среди беженцев-мужчин, **чувство ответственности и вины**, что уехали и не защитили свою родину, свой город (Родион, интервью № 1).

Стоит заметить, что с возрастом основными причинами «культурного шока» становятся долгое проживание в своей стране, уже состоявшаяся жизнь, накопленное имущество, которое пришлось оставить. Именно поэтому в интервью с беженцами старших возрастов все чаще приходилось слышать: «*Когда жил там, были какие-то планы, связи, строили дачу на пенсию. Оставшись здесь, мы потеряли все, но в обмен получили безопасность...*» (Владимир, интервью № 11).

Второй наиболее актуальной проблемой социально-психологического характера стала **проблема жилья и регистрации**, которые, как оказалось, совсем не легко было получить беженцам. Жилье беженцам сдавали с трудом, так как многие сомневались в их платежеспособности, и это в действительности было так, на что указывали в интервью и сами переселенцы: «*Очень тяжело снимать квартиру в денежном плане. Практически ползарплаты уходит на съем жилья*» (Ника, интервью № 7). С регистрацией было не проще, довольно часто приходилось ее переоформлять или платить штраф, если не удавалось жить по месту регистрации: «*Позже мы еще раз наткнулись на проблему с регистрацией – мы обязательно должны проживать по месту регистрации, иначе снова штраф, но найти квартиру, хозяева которой предоставляют регистрацию, нереально*» (Анна, интервью № 6).

Не менее актуальной стала **проблема платного, сложного и длительного оформления документов** (статуса, медицинского освидетельствования, патента на работу). Усугублялось это тем, что многие депозитные счета беженцев были заблокированы, наличных денег было мало, заработать еще не успели, а все документы, в том числе заверения нотариуса, фотографии, требовали материальных вложений. Например, для оформления разрешения на временное проживание были необходимы перевод документов на русский язык и заверение нотариуса, которые оплачивались отдельно (Анастасия, интервью № 5).

В качестве еще одной проблемы беженцы называли **недостаточную информированность**, в частности мифы о простоте оформления статусов и социальных выплат, которые транслировались СМИ, и саму безответственность работников УФМС, которые не всегда в полном объеме

предоставляли необходимую информацию. Последствиями такого непрофессионализма становились дополнительные штрафы с беженцев. («Информацию о том, что нам делать, какие бумаги оформлять и в какие сроки, из сотрудника УФМС приходилось вытягивать, и никакие нюансы она не уточняла... в конце концов нас оштрафовали на 6 000» (Анастасия, интервью № 5)).

Не менее острой для беженцев стала **проблема непринятия их со стороны коренного населения (страх одиночества)**. Некоторые ехали в Россию, боясь быть не принятыми из-за вражды между странами, другие испытывали растерянность из-за того, что в России их никто не ждал, «неоткуда было ждать помощи» (Владимир, интервью № 6). Но даже те, у кого здесь были родственники, отмечали, что не все оказались готовы их принять: «Сначала страх, что буду мешать сестре... так и получилось... сейчас меньше переживаю...» (Анна, интервью № 13); «Москва меня сразу поразила своей красотой. Я чувствовал себя словно жил в ней всю жизнь. Столько всего я никогда не видел. Это был восторг, но продлилось это не так уж и долго. Буквально через неделю я понял, что никаким родственникам я не нужен...» (Анатолий, интервью № 3).

2. Этнокультурное измерение адаптации беженцев с юго-востока Украины.

Объект нашего исследования – беженцы с юго-востока Украины, соседней страны, еще в недавнем прошлом республики СССР. Мы предполагали, что изучение данного показателя не будет столь актуальным, так как украинцы и внешне схожи с русскими, и хорошо владеют русским языком, а значит, не будут или будут в меньшей степени сталкиваться с этнокультурными проблемами. Их действительно было не так много, однако столкновения на этнокультурной почве все-таки происходили, чему способствовал ряд факторов. Например, стереотип местных жителей об украинцах как о хитрых и ловких, сравнение беженцев с «таджиками-нелегалами», которые приехали «пожиться у России-матушки». В связи с этими представлениями особенно раздражающими стали украинская речь, имеющийся говор, акцент («Странно, вроде бы и говорим на одном языке, а люди все свое твердят, по слухам, а меня, как очевидца, слышать не хотят...» (Светлана, интервью № 12)). В зависимости от частоты подобного рода столкновения беженцы выработали несколько соответствующих моделей взаимодействия и коммуникации с местным населением:

- общение со всеми, кто интересен;
- общение только с родственниками и коллегами по работе;
- общение только с беженцами («Стараюсь контактировать только со своими... нас вряд ли тут поймут» (Анна, интервью № 13));
- отсутствие доверия к кому-либо («Не доверяю... Включаю “дурака” и пытаюсь терпеть все...» (Алексей, интервью № 2)).

При этом было замечено, что выбор окружения не зависел от пола или возраста беженца, а скорее был связан с его личным опытом и тем, какую поддержку смогли оказать его близкие и родные (если таковые имелись).

3. Социально-экономическое измерение адаптации беженцев с юго-востока Украины.

Как уже отмечалось выше, жилье и оформление документов стали одними из основных трудностей, с которыми пришлось столкнуться беженцам. Еще одной насущной проблемой беженца с юго-востока Украины стал **поиск работы**. С одной стороны, ее надо было найти, с другой, найдя, получить заработанное. Как отмечалось в интервью, некоторые работодатели были не прочь сэкономить на беженцах, некоторые и вовсе не хотели платить, считая, что они получают выплаты от государства («Очень много людей, которые “опрокидывают” на деньги. Берут на работу и считают, что нам и так государство по 30 000 платит... поэтому не хотят платить» (Алексей, интервью № 2)). Наличие образования не давало никаких гарантий трудоустройства, так как помимо этого нужны были регистрация и патент.

Несмотря на перечисленные проблемы социально-экономического характера, основная часть опрошенных респондентов с оптимизмом смотрят на свое будущее, отмечая, что нужно довольствоваться тем, что есть, и принимать с благодарностью любую помощь. Для некоторых экономические и бытовые трудности стали поводом для переосмысления своей жизни и изменения ее в лучшую сторону: «Я адаптировался, мое положение изменилось в лучшую сторону. Стал серьезнее, самостоятельнее и узнал другие стороны жизни, о которых ранее не думал» (Александр, интервью № 4). При этом не все беженцы находили свое «место под солнцем» в Москве, обретая социально-экономические преимущества в регионах («Москва не оправдала, Торжок осуществил мою мечту» (Анатолий, интервью № 3)). Таким образом, в исследовании мы фиксировали значительную активность регионов в помощи беженцам и их большую заинтересованность и более внимательное отношение, чем в столице.

Проследить различия адаптации социально-экономического характера по гендерному признаку в полной мере не удалось. Но мы замечали, что мужчины были склонны чаще говорить о своей успешной адаптации, тогда как женщины, как правило, сомневались в этом, указывая на многочисленные проблемы, возникшие именно с трудоустройством. Особенно это касалось тех женщин, которые, имея детей, не могли сразу устроить их в детские сады и другие учреждения.

В итоге были зафиксированы отличия женской и мужской адаптации. Так, первая требует большего участия, в том числе чиновников детских дошкольных и школьных учреждений.

В заключении данной части статьи можно сделать вывод, что социальная адаптация переселенцев с юго-востока Украины проходила не всегда легко и безболезненно, возникали трудности самого разного характера, на разных этапах и при взаимодействии с различными субъектами помощи. В итоге в своих интервью беженцы с юго-востока Украины смогли выделить несколько условий эффективной социальной адаптации, обозначая и субъектов соответствующих действий и решений (табл. 2). Например, одним из первых и главных субъектов называлось государство, которое, как отмечали переселенцы, могло бы обеспечить более легкий способ получения гражданства и разрешить беженцам работать без патента.

«Гражданство поможет адаптироваться, это 100 %. Очень тяжело найти работу без гражданства» (Евгения, интервью № 8).

«Помогло бы адаптироваться разрешение работать официально без патентов и каких-либо бумажек» (Родион, интервью № 1).

«Мой муж ежемесячно перечисляет 13 % от зарплаты в бюджет России, а еще и патент обязан будет покупать, как бы хотелось упрощения системы, если человек платит налоги, то патент не покупать или покупать, но дешевле, что-то в этом роде...» (Анна, интервью № 6).

Еще одним пожеланием к государству со стороны беженцев стала проверка работы УФМС и повышение квалификации ее сотрудников.

Не менее важной, по мнению респондентов, является и помощь государства с жильем и работой, детскими садами.

«Многим беженцам тяжело найти работу, квартиру с регистрацией, не хотят брать на работу иностранцев и делать регистрацию, даже если у человека все документы в порядке, если решить эту проблему, было бы проще... Также переживаю за мам-беженок, как устроиться на новом месте, если ребенка не с кем оставить, в детский сад ни отдать» (Анна, интервью № 6).

«Временное жилье хотя бы на первые полгода, ускоренный процесс получения гражданства, предоставление работы помогли бы беженцам адаптироваться» (Евгения, интервью № 8).

Другим субъектом помощи в адаптации беженцам с юго-востока Украины назывался российский народ в целом, который мог бы в большей степени, по словам респондентов, поддержать людей, переживших войну. Причем эта поддержка, согласно переселенцам, необязательно должна выражаться в материальной помощи, в большей степени важны психологическое принятие и дружелюбие.

«Для адаптации важна поддержка, не позволить пасть духом и дать точно знать, что мы не одни, что мы вместе, нас много и ничто нас не сломит, и мы, и вы будем жить, и все будет хорошо!!! И всем нам будет легче жить» (Алексей, интервью № 2).

«Больше сочувствия и понимания со стороны местных жителей» (Евгения, интервью № 8).

Еще одним субъектом помощи в адаптации назывались российские средства массовой информации, предоставление достоверной информации которыми, по мнению беженцев, помогло бы приезжающим не быть дезинформированными и лучше владеть ситуацией. По оценке респондентов, создание мифов со стороны СМИ в погоне за распространением информации, одобряемой и удобной государству, повлекло за собой неготовность многих беженцев к реальным трудностям. Как итог – потеря времени, денег, сил, а в некоторых случаях разочарование.

Помимо того что беженцы в интервью указывали помощь Российского государства, населения и СМИ, говоря об успешной адаптации, они также выделяли критерии поведения самого беженца, позволяющие быстрее освоиться в новых условиях. В качестве таковых назывались:

1. Надеяться на себя.

«Цель + усилие + желание = успешная адаптация. Каждому свое, на мой взгляд, если человек хочет чего-то, то он сможет сделать все сам, без помощи. Не рассчитывать ни на кого. Стремиться встать на ноги, не сидеть на шее государства РФ» (Родион, интервью № 1).

«Всем нам понять надо, что никто никому ничего здесь не должен, переехал – так устраивайся, ищи работу» (Владимир, интервью № 11).

2. Не лениться, не жаловаться, не требовать.

«Мешает, я бы сказала, собственная лень, безынициативность, нежелание что-то менять» (Елена, интервью № 9).

3. Не унывать, понять, что худшее позади.

«Понять, что все закончено, есть теперь новая жизнь с чистого листа и нужно как-то двигаться дальше» (Анатолий, интервью № 3).

4. Как можно скорее устроиться на работу.

5. Любить Россию. Быть благодарным помощи. «Самим беженцам нужно понять, что дом теперь здесь, принять это... любить Россию и людей. Быть благодарным помощи людей...» (Светлана, интервью № 12).

Таблица 2 – Субъекты и условия, повышающие успех социальной адаптации беженцев с юго-востока Украины

Субъекты и условия, повышающие успех социальной адаптации беженцев	Субъекты	Условия
Требования, предъявляемые к российской стороне	Государство РФ	– обеспечить более легкий способ получения гражданства; – разрешить беженцам работать без патента; – проверка работы УФМС и повышение квалификации ее сотрудников; – помощь с жильем и работой, детскими садами
	Население РФ	– больше сочувствия и понимания со стороны местных жителей
	СМИ	– предоставление достоверной информации, сознательный уход от создания и трансляции мифов
Требования, предъявляемые беженцами к самим себе	Беженцы	– надеяться на себя; – не лениться, не жаловаться, не требовать; – не унывать, понять, что худшее позади; – как можно скорее устроиться на работу; – любить Россию, быть благодарным помощи

Самочувствие беженцев в России: «свой» или «чужой»?

На вопрос о том, кем себя ощущают, находясь в России, – «своими» или «чужими» – сами беженцы, респонденты отвечали по-разному. Большинство, в связи со своими корнями идентифицируя себя со славянами, отмечали, что чувствуют себя «своими», но при этом ощущение, что родные, осталось там, на Украине. Вместе с тем была опровергнута гипотеза о том, что, имея на территории России родственников, беженец определенно чувствует себя «своим». В реальности в большинстве случаев оказывалось так, что, приглашая к себе на проживание, люди не понимали всей ответственности такого решения и тем самым усугубляли положение и самочувствие беженцев в новой для них среде. Однако беженцы, которые приезжали «в никуда», замечали, что наличие родственников существенно бы помогло им быстрее адаптироваться в новых условиях, особенно на первых порах.

Мы также предполагали, что статус беженца дает не только определенные привилегии, но и чувство защищенности, признания «своим» в другом обществе. В действительности же, как отмечали сами переселенцы с юго-востока Украины, помимо того что этот статус получило лишь мизерное число прибывших, так и сам статус стал препятствием в процессе адаптации, так как вокруг этой темы возникло множество мифов, в связи с чем появилось негативное отношение к беженцам.

В заключение удалось выделить условия, при которых, проживая в России, беженцы с юго-востока Украины ощущали себя «своими» или, напротив, «чужими» (табл. 3).

Таблица 3 – Основные условия, при которых беженцы, проживая в России, ощущают себя «своими» или «чужими»

Беженец в России чувствует себя «своим» при условии, что он:	Беженец в России чувствует себя «чужим» при условии, что он:
<ul style="list-style-type: none"> – удовлетворен своим новым положением, адекватно оценивая свои возможности в новой среде; – общается с окружающим миром; – берет ответственность своего пребывания на себя, принимает новый статус и положение адекватно; – считает сам, что успешно адаптировался в новых условиях; – желает проживать в России и уже обустроивает свою жизнь здесь; – идентифицирует себя с русским и не ностальгирует постоянно 	<ul style="list-style-type: none"> – осознает несоответствие ожиданий и реальности; – при приезде испытывает страх быть отвергнутым; – предпочитает одиночество либо общение с беженцами; – начал процесс адаптации с этапа «культурного шока», на котором не получил поддержки; – не уверен в завтрашнем дне (нет документов, жилья, материальных средств); – постоянно сталкивается с новыми трудностями

Заключение

Беженец с юго-востока Украины вызывает неоднозначное отношение к себе со стороны представителей коренного населения, будучи воспринимаемым ни как однозначно «свой», так

как является гражданином иной страны, конфликтующей в настоящее время с Россией, ни как однозначно «чужой», так как является носителем общих с русскими языка, культуры, религии, исторического опыта, общей памяти в прошлом.

В результате исследования выявлены несколько сценариев отношений представителей коренного населения к беженцам. Один из них – принятие беженца как своего, при котором учитывается положение беженца, проявляется сострадание, терпимое отношение. На бытовом уровне коренные жители готовы помогать им вещами первой необходимости, общаться с ними, если они не будут манипулировать за счет статуса и будут уважать русских. Другой сценарий – неприятие беженца, беженец – «чужой», при котором наблюдается напряжение по отношению к ним. Коренные жители обсуждают беженцев, даже не встречаясь с ними лично, и наделяют этот персонаж негативными характеристиками.

Благодаря экспертным интервью и статистике, удалось развеять миф о статусе «беженец»: его получают не все вынужденные переселенцы, а мизерное число лиц, не имеющих средств и документов, а само оформление статуса – довольно долгий и сложный процесс, который желательно начинать в посольстве РФ на территории Украины, что зачастую оказывается невозможным.

В результате анализа экспертного опроса выделена еще одна серьезная проблема, с которой связан феномен беженца в России, – это слабая заинтересованность работников УФМС в успешной адаптации беженцев, их формальный подход и неглубокое отношение к проблемам вынужденных переселенцев. Многие эксперты этой категории сомневались в способности беженцев адаптироваться вовсе, считая, что беженцы надеются лишь на государство и не желают ничего делать сами. В этом смысле было заметно проявление отношения чиновников к беженцам как к социальному балласту и «чужакам», то есть как к тем, чья социальная функция, независимо от них самих, – привносить в общество неопределенность [11, с. 75]. Полагаем необходимым проведение соответствующих мероприятий, в том числе духовно-просветительского плана, с сотрудниками служб, которые бы повышали уровень как их профессионализма, так и гуманности.

По результатам анализа интервью с самими беженцами было зафиксировано, что сама адаптация, при поддержке самых разных субъектов, проходила не всегда легко, а путей ее реализации множество: беженец может приезжать «в никуда» или к кому-то (родственникам, друзьям), планировать остаться на территории РФ или в удобный момент вернуться на родину, оформлять определенный статус либо нелегально находиться на территории России, получать разрешение на работу либо оставаться на попечение родственников, пытаться улучшить свое положение либо опустить руки, общаться со всеми или только с беженцами, не доверять никому. При этом есть как возрастные, так и гендерные особенности социальной адаптации, которые также представляется важным учитывать при организации работы соответствующих служб и организаций. Не последнюю роль в осложнении социальной адаптации переселенцев могут сыграть средства массовой информации, которые мифологизируют ситуацию, не предоставляя сведений о реальной ситуации, причем как беженцам, так и местному населению.

Ссылки и примечания:

1. Баньковская С.П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6.
2. Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу // Социологические исследования. 2007. № 5. С. 70–77.
3. Выбор этих городов был связан с тем, что в них наблюдался приток беженцев с юго-востока Украины и была возможность предметно поговорить с теми, кто был связан с беженцами на тот момент, в том числе прихожанами, которые организовывали помощь беженцам в приходах (например, сбор продуктов, медикаментов, одежды), но при этом, как выяснилось, не встречались с ними лично.
4. Штихве Р. Амбивалентность, индифферентность и социология чужого / пер. с нем. Т.С. Головой // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 1. С. 41–53.
5. Демографические итоги 2014 года. Краткий доклад Института демографии НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: https://demreview.hse.ru/data/2016/04/12/1126752638/DemRev_2_4_2015_35-76.pdf (дата обращения: 30.04.2016).
6. Украинцам могут усложнить жизнь в России, заявляет источник в ФМС. Пострадают и беженцы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/12jan2015/patents.html#1> (дата обращения: 02.06.2015).
7. О беженцах : федер. закон от 19 февр. 1993 г. № 4528-1 : с изм. и доп. от: 28 июня 1997 г., 21 июля 1998 г., 7 авг., 7 нояб. 2000 г., 30 июня 2003 г., 29 июня, 22 авг. 2004 г., 18 июля, 30 дек. 2006 г., 23 июля 2008 г., 28 дек. 2010 г., 1 июля 2011 г., 1 марта, 12 нояб., 30 дек. 2012 г., 2 июля 2013 г., 22 дек. 2014 г.
8. Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф. Мигранты в новом сообществе: адаптация и/или интеграция // Социологические исследования. 2010. № 5. С. 82–86.
9. По материалам сайта «Координационный штаб помощи населению Украины» (<http://sos.oprf.ru/>). Период наблюдения: 01.11.2014 г. – 26.05.2015 г.
10. Триандис Г.С. Культура и социальное поведение / пер. В.А. Соснин. М., 2007. С. 382.
11. Гусев А.Н. Маргинализация и космополитизм: взгляды современных теоретиков на социальные последствия интенсификации пространственных перемещений // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2. С. 72–79.

References:

- Bankovskaya, SP 2002, 'Aliens and border: the concept of social marginality', *Otechestvennyye zapiski*, no. 6, (in Russian).
- Gritsenko, GD & Maslova, TF 2010, 'Migrants in the new community: adaptation and / or integration', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 5, pp. 82-86, (in Russian).
- Gusev, AN 2009, 'Marginalization and cosmopolitanism: the views of contemporary theorists on the social consequences of the intensification of spatial displacements', *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 8, no. 2, pp. 72-79, (in Russian).
- Shtihve, R 1998, 'Ambivalence, indifference, and sociology of others', *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 1, no. 1, pp. 41-53, (in Russian).
- Triandis, GS 2007, *Culture and social behavior*, Moscow, p. 382, (in Russian).
- Yuznanin, MA 2007, 'On the socio-cultural adaptation in another ethnic environment: conceptual approaches to the analysis', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 5, pp. 70-77, (in Russian).